

A movie poster for the film 'The Cup of the Moon' (Кубок Расколотой Луны) featuring Zlмира Шабурова. The poster depicts a man and a woman in medieval attire standing on a stone wall, looking out over a vast landscape at sunset. The man is wearing a crown and armor, and the woman is wearing a white dress with gold embroidery and a crown. In the background, a large army of soldiers is visible, and the sky is filled with dramatic clouds and a bright sun.

ЗЛМИРА ШАБУРОВА

КУБОК
РАСКОЛОТОЙ
ЛУНЫ

Эльмира Шабурова

Кубок расколотой Луны

<https://litres.ru/74302384>

SelfPub; 2026

Аннотация

План был прост: провести ритуал, получить силу, стать великой ведьмой. Что могло пойти не так? Только то, что портал открылся прямо в спальню генерала Матвея Ретивого, который терпеть не может магию, рыжих женщин и глупые вопросы. Спустя месяц скитаний, споров с лешим и попыток не убить друг друга, Ярославна и князь Святомир собирают команду мечты: одноглазого капитана, говорящего кузнеца и белку-террориста. Им предстоит закрыть разлом в реальности, пережить визит разгневанных богов и понять главное правило выживания: если план А провалился, всегда можно обрушить на врага тектоническую плиту. Героическое фэнтези, где спасение мира происходит не благодаря древним пророчествам, а вопреки здравому смыслу.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	20
Глава 3.	36
Глава 4.	52
Глава 5.	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Эльмира Шабурова

Кубок расколотой Луны

Глава 1.

Лес в ночь на Ивана Купалу дышал так, словно был единым исполинским зверем. Старые дубы поскрипывали суставами-ветвями, осины мелко дрожали не от ветра, а от внутреннего, потаенного ужаса перед темной водой и древними духами, что просыпались раз в году. Воздух пах прелой листвой, горьким папоротником, влажной землей и чем-то еще — густым, медовым, пьянящим запахом цветущей разрыв-травы, которую днем с огнем не сыщешь, а ночью она сама лезла под ноги.

Ярославна Лисия стояла у кромки запретного озера. Вода в нем казалась черной, как деготь, и густой. Ни одна лягушка не квакала здесь, ни один комар не смел нарушить звенящую тишину этого места своим зудением. Только где-то далеко, за спиной ведьмы, ухал филин, да плескалась о берег черная вода, оставляя на песке белую, похожую на соль, пену.

Девушке было всего восемнадцать весен, но держалась

она с отчаянной храбростью той, кому больше нечего терять. Сила бурлила в ее крови, царапала ребра изнутри, требовала выхода. Бабка-знахарка померла три года назад, передав внучке лишь травничество да умение заговаривать ячмень. А Ярославне хотелось иного. Хотелось летать на метле выше княжеских теремов, вызывать грозы щелчком пальцев и одним взглядом заставлять мужей падать к ногам. Ей нужна была сила друидов, первородная магия леса, та самая, из-за которой их род когда-то прокляли церковники Велеса, объявив исчадиями тьмы.

— Не боишься, птаха? — прошелестело над самым ухом, когда Ярослава начала чертить костяным ножом первый круг вокруг большого плоского камня.

Она вздрогнула, едва не порезав палец. Из-за ствола вековой сосны выступил он. Леший. Выглядел он как старый пень, обросший мхом, бородой из сухих водорослей и лишайника. Глаза его были желтыми, фосфоресцирующими, размером с блюдца, а нос напоминал кривой сук.

— Тебя только не хватало, дед, — процедила Ярослава, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Она знала правила: духов нельзя бояться, иначе сожрут вместе с сапогами. — Шел бы ты своей тропой лесной. Я делом занята.

— Делом она занята... — обиженно протянул леший, выходя на свет молодого месяца. — А спросить разрешения у хозяина чащи забыла? Это мой лес, девка. Каждая травинка тут мне кланяется. А ты пришла, нож свой кладбищенский вонзила, кровью землю мажешь. Непорядок.

— Кровь моя, земля общая! — огрызнулась девушка, вынимая из холщового мешка пучок полыни. — Мне силы нужны, чтоб род свой древний возродить. Чтоб знали все, что Лисии — это вам не ворожеи придорожные!

Она бросила полынь в центр круга, туда, где уже лежали веточки омелы, корень мандрагоры, подозрительно дергающийся, и семь черных свечей, вылитых из воска с добавлением толченого угля.

Ритуал пошел туго. Огонь свечей горел синим, коптил, отказываясь принимать форму. Ярославна читала заклинание, которому научилась по обрывкам старой берестяной грамоты, найденной на чердаке. Слова были гортанными, чужими, они вязли на языке:

— Аше есмь древо, аше есмь камень, стани дух мой крепок аки сталь булатна...

Вода в озере вдруг забурлила без всякого ветра. Буруны пошли от центра к берегу. Из глубины медленно поднима-

лось нечто огромное, маслянистое, тяжело дышащее. Водяной. Он выполз на илистый берег, опираясь на узловатые руки, похожие на коряги. Одет он был в тину, вместо бороды у него свисали длинные плети речной капусты, а глаза смотрели бельмами.

— Топится кто? — басом поинтересовался водяной, выплевывая изо рта карася. Карась шлепнулся на песок и, судорожно глотнув воздуха, дал стрекача обратно в воду.

— Ритуалит она, батюшка, — хихикнул леший, указывая скрюченным пальцем на Ярославну. — Силу нашу хочет украсть. Друидкой стать удумала.

Водяной прищурился, отчего его лицо стало похоже на старую сморщенную репу. Обвел взглядом свечи, мандрагору, бледное, решительно закушенное лицо девушки.

— Лисия, значит, — проскрипел он. — Помню твоего пращура. Нахрапистый был мужик, весь мой лучший сом со двора увел. И бабка твоя, покойница, тоже хороша была, всю мою заводь заговором высушила, еле очухался. По всему выходит, яблоко от яблони...

— Да я же для общего блага! — взывала Ярославна, чувствуя, как потоки силы начинают вести себя странно. Вместо того чтобы входить в нее через макушку, теплым медом рас-

текаясь по жилам, они били током, путались узлами в животе, вызывая тошноту. Свечи вспыхнули зеленым пламенем и погасли. Мандрагора заверещала дурным голосом и попыталась зарыться глубже в землю.

— Для блага она, — фыркнул леший. — Наказать надо девку, хозяин. За наглость. За то, что порядок нарушает. Третий день новолуния, а она мощь рвет. Пусть узнает, почему фунт лиха.

Водяной согласно булькнул. Они переглянулись — старый дух чащи и старый дух воды. Десять лет назад старшая сестра этой пигалицы, Любава, разбила сердце самому генералу Матвею Ретивому. Генерал тогда ходил сам не свой,пил мертвую, рубил тренировочные столбы в щепу. Духи хоть и жили вдали от людей, но новости до них доходили быстрее почтовых голубей. Разбить сердце главному защитнику князя Святомира — это почти государственная измена. А яблочко, вот оно, опять нарисовалось. Характер тот же — настырный, дерзкий, бесстрашный до глупости.

— Искажай потоки, — коротко велел водяной. — Пушай полетает.

Леший кивнул и беззвучно скользнул за спину Ярославны. Он развел свои мохнатые лапы, и воздух вокруг ритуаль-

ного круга загустел, превращаясь в кисель. Древняя магия леса, которую призывала девушка, пошла рябью. Потоки силы, послушные воле старого духа, изогнулись петлями, завязались морским узлом и резко натянулись, как тетива лука.

— Открываюсь силе вашей! Примите меня! — выкрикнула Ярославна, вскинув руки к небу, и полоснула себя по ладони ножом.

Капли алой крови упали на центральный камень. В этот самый миг искаженные потоки ударили в ответ.

Это не было похоже на раскрытие дара. Это не было похоже вообще ни на что приличное.

Земля под ногами Ярославны исчезла. Ее не подняло плавно вверх, нет. Ее просто выдернуло из реальности, как больной зуб щипцами неумелого лекаря. Пространство издало звук рвущейся мокрой ткани. Уши заложило от невыносимого свиста. Мир перевернулся трижды, сменив черный бархат ночи на пыльный бордовый плюш, запах озона и болотной гнили — на тяжелый аромат крепкого мужского пота, кожи, пороха и дешевого табака.

Удар о мягкий ковер выбил из легких остатки воздуха. Ярославна прокатилась пару локтей, сбивая какой-то трено-

гий столик, и замерла, запутавшись в собственных ногах и длинной льняной рубаше, расшитой охранными рунами.

Несколько секунд она просто лежала, пытаясь понять, жива ли. Судя по тому, как болели все кости, весьма относительно. Затем приподнялась на локтях.

Комната была огромной. Стены обиты темно-красным деревом, на полу — шкуры медведей, в углу тускло мерцают сложенные пирамидой ядра для крепостных орудий. Под потолком висит модель парусника «Святогор». На стенах — карты боевых действий, перекрещенные сабли и тяжелая пищаль.

Но главное находилось прямо перед ней, на широченной кровати под балдахином.

Там, разметавшись во сне, спал мужчина. Вернее, уже не спал. Скатившееся со стола ядро нарушило его утреннюю дрему. Мужчина сел. Был он огромен, плечист и облачен исключительно в длинный шелковый халат винного цвета, накинутый на голое тело. Лицо у него было породистым, хищным, с легкой щетиной, которая мужчину только красила, а серые глаза смотрели на мир с тяжелым, оценивающим презрением бывалого волка.

Генерал Матвей Ретивый потер заспанное лицо, моргнул, снова посмотрел на незваную гостью. Его взгляд последовательно прошелся по босым грязным ступням Ярославны, по задравшейся до колен рубашке, по окровавленной ладони, по перепачканному сажей лицу и остановился на глазах. Глазах рода Лисиев — зеленых, кошачьих, с вертикальным зрачком.

Матвей медленно выдохнул. От звука этого выдоха мог бы затушить свечу стоящий в десяти шагах человек.

— Нет, — ровным, абсолютно спокойным голосом произнес генерал. — Сегодня точно не первое апреля. Календарь врет. Или я окончательно сошел с ума от службы государственной.

Ярославна наконец справилась с дыханием. Осознав свое положение — полуголая, посреди спальни главного женоненавистника и душегуба всей нечисти княжества, — она вспыхнула ярче своих погасших синих свечей. Магия внутри нее, напуганная телепортацией, сжалась в жалкий комочек, совершенно недоступная.

— Ты!.. — прошипела она, вскакивая на ноги и пошатываясь. — Где я?! Что ты сделал?!

— Вообще-то, это моя спальня, — Матвей лениво откинулся на подушки, сцепив руки на затылке. Халат распахнулся, обнажая широкую волосатую грудь. — А вот что здесь делаешь ты, лесная мавка, да еще в таком непотребном виде? Опять ваша сестринская традиция — являться ко мне по ночам? Сначала Любава десять лет назад душу мотала, теперь ты приветы принесла?

Упоминание сестры резануло Ярославну по сердцу тупым ножом. Старшая Любава действительно сбежала от генерала накануне свадьбы, предпочтя ему купеческого сынка с тугой мошной.

— Ах ты, кабан солдафонский! — взвилась Ярославна. Страх мгновенно испарился, уступив место праведному гневу. — Я тебя сейчас саму в жабу обращаю! В самую склизкую, бородавчатую! Будешь на болоте у своего дружка-водяного квакать!

Она выставила вперед руки, готовясь сплести простейшее проклятие чесотки. Но пальцы поймали пустоту. Внутри было тихо. Там, где должен был реветь пожар друидской мощи, гулял сквозняк. Дар не откликался. Совсем.

Матвей наблюдал за ее бесплодными попытками с нескрываемым гастрономическим интересом, будто смотрел

на пляски таракана на столе.

— Ну же, давай, — подбодрил он, даже хлопнув в ладоши. — Испепеляй взглядом. Вызывай демонов. Что там еще ваши книжки умные советуют? Ой, погоди... Кажется, забыл наложить защиту.

Он картинно закатил глаза, делая вид, что напряженно думает, затем щелкнул пальцами левой руки.

Воздух между ними едва заметно замерцал золотистой пылью. Старая добрая бабушкина защита. Нерушимая печать от любого ведьмовского воздействия, сваренная лучшей ведуньей Белозерья на слезах черного кота и моче столетнего девственника. Ярославна об эту преграду приложилась всем своим невеликим ведьмовским потенциалом, как муха о стекло. Искры из глаз посыпались вполне реальные.

— Злыдень! — взвизгнула она, прижимая ушибленную руку к груди. — Сними немедленно! Я архимагистр Зеленого Круга! Меня сам князь...

— Кто ты? — брови Матвея поползли вверх. — Архимажистр чего? Девочка, тебе сколько лет? Восемнадцать есть? По виду — четырнадцать, от силы. Архимажистр... Скорее, архиблудница. Одета как на шабаш собралась. Хотя постой-ка...

Он приняхался. Его ноздри затрепетали.

— Папоротник... Полынь... Мандрагора верещала? Кровь свою лила? Погоди-погоди. Так ты не соблазнять меня пришла? Ты реально колдовала? В лесу? На Ивана Купалу? У запретного озера?

Ярославна поняла, что проговорилась. Щеки запылали. Она отступила на шаг и уперлась поясницей в край тяжелого дубового стола.

— Это случайность! — выпалила она. — Портальная аномалия! Побочный эффект инициации!

Матвей медленно поднялся с кровати. Ростом он оказался выше Ярославны на целую голову. Халат он так и не запахнул.

— Инициация, значит, — протянул он, обходя девушку по кругу, как кот пойманную мышь. — И как прошло? Чувствуешь единение с природой? Желание обнимать деревья? Питаться солнечным светом?

— Издеваешься?! — пискнула Ярославна, пытаясь слиться со столом. — Отправь меня обратно! Сейчас же! Скажи слово возврата!

— Слово возврата? — генерал искренне расхохотался. Смех у него был рокочущий, низкий, заполняющий собой всю комнату. — Думаешь, я демон перекрестков? Или джинн из бутылки? Я Матвей Игнатьевич Ретивый, генерал-лейтенант войск княжества Святомир. Единственный в этом государстве человек, которого ваше племя бессильное тронуть боится благодаря моей дорогой бабуле. И судя по координатам твоей вспышки, твой хваленый ритуал провалился с таким треском, что эхо до сих пор стоит. Вместо того чтобы обрести силу друидов, ты просто взяла билет в один конец прямиком ко мне в койку. Поздравляю. Это самое оригинальное завершение девичьих грез, которое я видел.

Он подошел вплотную. Ярославна почувствовала жар, исходящий от его тела, и сглотнула.

— А ну, брысь отсюда, — добродушно рыкнул Матвей, взяв девушку за плечи. Его ладони оказались горячими и тяжелыми. — Пока я добрый. Оденься хотя бы. Негоже первой красавице (и единственной идиотке) леса позорить честь мундира, появляясь в генеральской спальне в одной ночной рубашке.

Он легко, словно котенка, поднял ее и переставил подальше от кровати, направляя к двери.

— Выход там. Кухня дальше по коридору, спросишь каши. И скажи денщику моему, чтоб завтрак на двоих подавал. Раз уж ты сюда попала, кормить тебя придется, не выгонять же сироту голодную.

Ярославна открыла рот, чтобы выдать очередную порцию проклятий, но в этот момент дверь спальни с грохотом распахнулась, едва не слетев с петель.

На пороге стоял вестовой — молодой ратник, бледный как полотно, с безумными глазами. Он хватал ртом воздух, тыкая пальцем куда-то в сторону окна.

— Орки!.. — прохрипел он. — Ваше превосходительство! Гоблины!.. Переход открылся прямо над Сторожевым холмом! Их тысячи! Несметная тьма! Князь собирает дружину, враг идет на столицу!

Матвей мгновенно изменился в лице. Сонливость и насмешливое благодушие слетели с него, как шелуха. Перед Ярославной стоял не похабник в халате, а машина для убийства. Хищник. Он выпустил плечо девушки, словно забыв о ее существовании.

— Труби общий сбор, — голос генерала стал жестким, режущим слух. — Первую линию латников на восточные ворота. Арбалетчиков на стены. Конницу держать в резерве у

княжьего терема. Бегом!

Вестовой исчез. Матвей уже застегивал портупею с мечом, которую сбросил на стул перед сном. Он двигался стремительно, экономно, каждое движение выдавало многолетний опыт выживания.

Ярославна стояла посреди разгромленной спальни, кутаясь в тонкую ткань. Шум в ушах заглушал топот солдат во дворе. Запах дыма долетел даже сюда, сквозь закрытые ставни.

Магия молчала. Она провалила ритуал. Она опозорила весь род Лисиев. Она оказалась в постели врага.

Но когда Матвей, уже полностью одетый в кольчугу и стальной панцирь, развернулся к ней, собираясь, видимо, приказать страже вывести сумасшедшую, Ярославна встретила его взгляд.

И впервые за эту бесконечную ночь ей не захотелось плакать или кусаться. Внутри, в самой глубине опустевшего колодца ее дара, что-то шевельнулось. Теплое, зеленое, пахнущее мхом и дождем. Ритуал не подарил ей океан силы. Он оставил ей крошечную искру. Но эта искра, увидев зарево пожаров над родным городом, вдруг начала разгораться.

— Тебе особое приглашение нужно, ведьма? — рывкнул Матвей, нахлобучивая шлем. — Я сказал, на кухню! Жрать хочется перед смертью.

— Сам жри, солдафон, — неожиданно ровно ответила Ярославна. Голос ее не дрожал. Она подошла к стене, сняла оттуда легкий кавалерийский фальшион, который явно принадлежал какому-то павшему офицеру, и взвесила его в руке. — Я иду с тобой. Мой лес сейчас сжигают твои орки. И пока я не найду способ вернуться домой, моим домом будет любая земля, куда ступит твоя нога.

Глаза Матвея округлились от такой наглости. Он ожидал слез, истерики, попыток проклясть его исподтишка. Но никак не заявления о вступлении в действующую армию в качестве рядового бойца.

— Ты в своем уме? — пророкотал он. — Куда ты пойдешь в этих кружевах? Первый же гоблин сделает из тебя... украшение для своего копья.

— Рубашку можно подпоясать, — отрезала Ярославна, проверяя остроту клинка ногтем. — А гоблинам я буду отрывать головы силой мысли. Если очень сильно разозлюсь. Вперед, генерал. Нас ждет рассвет.

За окном занимался кроваво-багровый восход, окрашивая небо в цвет свежей крови. Наступило утро Ивана Купалы. Утро войны.

Глава 2.

Крепость Вышеград просыпалась тяжело, словно старый медведь в берлоге после долгой зимней спячки. Сначала подал голос главный колокол на дозорной башне — низко, утробно, заставляя вибрировать стекла в свинцовых переплетах окон. Затем загремели засовами стражники у ворот, перекликаясь хриплыми, простуженными басами. Запахло гарью от кухонных печей, кислым тестом и конским потом.

Генерал Матвей Ретивый ненавидел ранние подъемы всей душой своей широкой, но уставшей. В свои тридцать восемь лет он чувствовал себя так, будто лично пережил все войны, которые вел князь Святомир за последние двадцать лет. Кости ломило перед дождем, правое плечо, пробитое гоблинской секирой под Изборском, ныло к перемене погоды, а характер с каждым годом становился только суше и ядовитее.

Он стоял посреди разгромленной спальни, застегивая последнюю пряжку на портупее. Тяжелая кольчуга двойного плетения легла на плечи привычной, успокаивающей тяжестью. Сверху — стальной нагрудник с выщербленным гербом рода Ретивых: вставший на дыбы вепрь. Меч-бастард со следами заточки уже висел на левом боку.

Матвей подошел к высокому медному зеркалу в углу. Оттуда на него взглянуло лицо, которое обычно пугало новобранцев до заикания. Резкие скулы, нос, который ломали как минимум трижды, отчего тот смотрел чуть левее прямого пути, тяжелый подбородок со старым шрамом. Но страшнее всего были глаза. Серые, цвета мокрой стали, лишенные всякого намека на сострадание или усталость. Глаза человека, который давно решил для себя, что мир состоит из приказов, предательства и необходимости убивать первым, чтобы не убили тебя.

— Архимагистр Зеленого Круга, — фыркнул генерал, поправляя сбившийся набок гребень шлема, который держал под мышкой. — Девка совсем ума лишилась от лесных испарений.

Дверь снова приоткрылась. Ярославна никуда не ушла. Она стояла на пороге, кутаясь в свою нелепую льняную рубаху, расшитую по подолу кривыми рунами. Лицо ее было перемазано сажей, волосы стояли дыбом, образуя вокруг головы рыжее электрическое облако, а в зеленых глазах плясала такая первобытная паника, какую Матвею доводилось видеть лишь у смертельно раненных солдат на поле боя.

— Я сказала, я иду с тобой, — повторила она тише, но с

той же непреклонной дурью в голосе.

Матвей медленно выдохнул через нос. Его терпение, всегда казавшееся окружающим бездонным колодцем, имело дно. И сейчас Ярославна Лисия успешно его царапала коготками.

— Деточка, — начал он обманчиво мягким, бархатным голосом, которым обычно допрашивал пленных шпионов. — Давай расставим точки над буквицами старославянского алфавита. Во-первых, это моя спальня. Во-вторых, там, за стенами этой цитадели, разворачивается полномасштабное вторжение зеленокожих. Они жгут деревни, насилуют скот и весьма изобретательно потрошат людей. Это работа для мужчин с железными предметами в руках. А ты кто? Ты ходячее недоразумение в ночнушке.

Он сделал шаг к ней. Ярославна инстинктивно отступила назад, в коридор, но генеральская длань метнулась вперед быстрее гадюки. Он схватил девушку за запястье. Пальцы сомкнулись стальным браслетом.

Ярославна взвизгнула и попыталась ударить его свободной рукой. Матвей легко перехватил и вторую руку, заломив их обе за спину девушки. Она оказалась притиснутой к его груди, твердой, как крепостная стена. От него пахло кожей,

статью, вчерашним перегаром и чем-то неуловимо мужским, звериным.

— Пусти, кабан! — прошипела она, извиваясь. — Последний раз предупреждаю! Я прокляну твой род до седьмого колена! У твоих детей хвосты вырастут!

— Поздно, — усмехнулся Матвей прямо ей в макушку. — Род наш и так проклят. Бабушка моя, царствие ей небесное, Аглая Всеславовна, была лучшей ворожеей Белозерья. Когда мне исполнилось двенадцать, а соседская кошка впервые посмотрела на меня с интересом, бабушка взяла иглу дикобраза, слезу девственницы и каплю моей крови, да и сварганила «Нерушимую защиту от ведьмовского воздействия». Печать стоит намертво. Так что можешь шипеть сколько угодно. Хоть лопни от натуги. На меня твоя магия действует примерно как комариный укус на дракона. Щекотно и хочется прибить источник раздражения.

Это была чистая правда. Десять лет назад, когда Любава Лисия, сестра вот этой нынешней фурии, разбила ему сердце, он пытался свести счеты с жизнью традиционным способом — пошел в трактир и пил три дня. Не брало. Тогда он попытался наложить на себя руки более изысканно — прыгнуть с обрыва в реку Смородину. Вода вытолкнула его обратно на берег, потому что защита бабушки работала в обе

стороны: она берегла Матвея не только от магии, но и магию ради его спасения. Ведьмы плевались ядом, пытались наводить порчу на урожай его полей (урожай сгорал, а Матвею хоть бы хны), подбрасывали ему в сапоги жаб — генерал лишь посмеивался, почесывая растущую лысину. Он выработал идеальную тактику обороны против женского коварства: абсолютный, непробиваемый сарказм.

— Отпусти меня немедленно, солдафон бесчувственный!
— Ярославна дернулась сильнее. — Мне нужно в лес! Мой ритуал... он не завершен! Если сила друидов останется во мне незакрепленной, она выжжет меня изнутри! Я превращусь в пепел!

Внезапно она перестала биться. Ее тело обмякло в его руках, дыхание стало прерывистым. До нее начало доходить реальное положение дел. Она одна, голая и босая, в самом логове главного врага своего племени. Без силы. Без защиты. Перед человеком, чья грудь сейчас кажется ей каменной плитой.

— Пожалуйста, — голос ее дрогнул, теряя металлические нотки и становясь просто девчачьим. — Отправь меня обратно к озеру. Всего на час. Я закончу начатое и исчезну из твоей жизни навсегда. Клянусь Велесом.

Матвей ослабил хватку, но рук не убрал. Он чуть отстранился, заглядывая ей в лицо сверху вниз. Жалкое зрелище. Губы дрожат, ресницы слиплись от золы, на носу грязное пятно.

— Велесом она клянется, — протянул генерал, и в серых глазах блеснули опасные огоньки веселья. — Та самая богомерзкость, которая вчера пыталась украсть силу у моих лесов, теперь призывает имя покровителя этих самых лесов в свидетели. Какая восхитительная гибкость позвоночника.

Он отпустил ее руки, но тут же толкнул ладонью в лоб, припечатывая затылком к дверному косяку. Несильно, но чувствительно.

— Слушай сюда, чудо лесное. У меня нет времени возиться с твоими подростковыми истериками. Там, — он мотнул головой в сторону окна, откуда уже доносился далекий гул боевых рогов орков, — начинается резня. Князь собирает дружину. Через полчаса мой полк выступает к Восточным воротам. Любой, кто окажется на плацу без оружия и брони, будет записан в штрафную сотню и отправлен чистить выгребные ямы укрепрайона. Поняла?

Ярославна часто закивала, хотя вряд ли поняла половину военных терминов.

— Отлично, — Матвей удовлетворенно кивнул. — А теперь пошла вон. Денщик принесет тебе воды умыться. Переоденешься в мою старую нательную рубаху и порты. Будешь сидеть в казарме и носа не высовывать, пока мы не перебьем эту зеленую погань. Это приказ старшего по званию. Исполнять.

Он развернулся на каблуках, намереваясь выйти. Утренний кошмар в лице полуголой ведьмы должен был закончиться. Ему нужно проверить посты, отдать распоряжения артиллеристам и убедиться, что катапульты на стенах заряжены горшками с горючей смолой.

— Я не останусь в казарме, — тихо, но очень четко произнесла Ярославна ему в спину.

Матвей замер. Медленно повернул голову. Одна бровь поползла вверх.

— Что ты сказала?

— Я. Сказала. Что. Пойду. С тобой, — каждое слово падало, как камень. — Моя деревня в трех верстах отсюда. Мои сестры-травницы там. Староста дядька Прохор. Если орки пройдут мимо крепости, они сожрут их первыми. Я не могу прятаться в подвале, пока мои люди умирают. Я последняя из рода Лисиев. Мой долг...

— Твой долг — молчать, когда говорит мужчина с мечом! — взревел Матвей, стремительно сокращая дистанцию. Теперь он снова нависал над ней, опираясь руками о косяк по обе стороны от ее головы, заключая в плен. — Твой долг — делать то, что говорят те, кто умеет воевать! Ты видела когда-нибудь, как выглядит человек после удара орочьей дубины? Видела, как кишки наматывают на забор? Нет? А я видел. Каждый день десять лет подряд. Война — это грязь, кровь и вонь. Это не танцы у костра в веночках! Там отрывает ноги, девочка. Там выжигают глаза кислотой троллей. Что ты будешь делать своим «даром друида», которого у тебя даже нет?! Прикажешь сорнякам расти быстрее, чтобы враг запутался?!

Он ткнул пальцем в ее ключицу. Ярославна зашипела от боли.

— У тебя есть сила? Ну-ка, покажи! Спали этот чертов косяк! Подними ветер! Сделай хоть что-нибудь, кроме того, чтобы лязгать зубами от страха!

Ярославна зажмурилась. По ее щеке скатилась одинокая слеза, оставляя чистую дорожку на грязном лице. Она сжала кулаки, сосредоточилась, пытаясь докричаться до той искры, что теплилась внутри. Воздух между ними едва заметно задрожал. Уголек дара отозвался — слабо, испуганно. С

пальцев девушки посыпались зеленые искорки, похожие на бенгальские огни. Одна искра упала на рукав халата Матвея. Халат слегка задымился, запахло паленой шерстью.

Матвей посмотрел на дымящийся рукав. Потом на искры. Потом снова на Ярославну.

И вдруг запрокинул голову и захохотал. Громко, раскатисто, совершенно неуместно в преддверии конца света. Он смеялся так искренне, что у него выступили слезы в стальных глазах.

— Боги всемогущие... — выдавил он сквозь смех, вытирая глаза рукавом. — Искра. Комариная искра. Да ты, оказывается, опасна! Держите меня семеро, боевая магичка прибыла. Сейчас она всех врагов зачарует пылью одуванчика.

Его смех отрезвил Ярославну лучше ушата ледяной воды. Обида вспыхнула в ней с новой силой, сметая остатки страха. Зеленые глаза потемнели от ярости.

— Издеваешься? — процедила она. — Пока ты тут заливаешься, как идиот, твои солдаты гибнут! Думаете, броня спасет вас от темной волшбы, которой ведут этих тварей? Орки идут не сами по себе! За ними стоит Древний! Тот, кого ваши церковники называют Мороком! Думаешь, твоя железная банка на груди остановит эманации Бездны?

Упоминание Морока заставило смех Матвея умолкнуть мгновенно. Стальной взгляд стал холодным, как зимнее море. Он выпрямился, разрывая тесный контакт. Информация сходилась. Разведка докладывала о странной, мертвящей ауре, окружавшей вождей орды. Обычные дикари так не воюют. Здесь чувствовалась направляющая воля.

— Закрой рот, ведьма, — голос генерала упал до шепота, от которого замерзала вода. — Ты ничего не знаешь о войне.

— Зато я знаю о силе! — выкрикнула она, оттолкнула его руки и проскользнула под локтем в комнату. — Защита твоей бабки работает от прямого заклинания! А если я не буду бить в тебя? Если я помогу земле? Укреплю стены? Затуплю вражеское железо? Магия природы везде, солдафон! В камнях фундамента, в воде в колодцах, в воздухе, которым ты дышишь!

Она выбежала на центр комнаты, разметав шкуры. Встала на цыпочки, раскинула руки.

— Леший! Водяной! — завопила она так громко, что Матвею заложило уши. — Хватит прятаться, старые пни! Выходите! Дело есть!

Генерал моргнул. Он ожидал чего угодно: что девушка

начнет биться в конвульсиях, что у нее пойдет пена изо рта. Но призыв духов леса в его спальне — это был новый уровень безумия.

Из-за тяжелой портьеры, закрывающей нишу с гардеробом, раздалось смущенное покашливание. Полотно откинулось, и оттуда, отряхивая с бороды паутину и древесную труху, вышел давешний леший. Следом за ним, оставляя на дорогом наборном паркете мокрые следы и пару водорослей, выплыл водяной, принявший на этот раз вид грузного купца в мокром кафтане.

— Доброго здоровьица, господин генерал, — вежливо прогудел водяной, кланяясь в пояс. Низко кланяться мешал огромный живот, поэтому движение вышло скорее раскачиванием.

— Мы это... воздухом подышать вышли, — быстро зататорил леший, прядая мохнатыми ушами. — Жарко у вас тут. Топите сильно.

Матвей перевел взгляд с духов на Ярославну. Потом обратно. Его челюсть медленно отвисла. Впервые за долгие годы боевой генерал, прошедший десятки кампаний, потерял дар речи. Стоять навтыяжку перед существом из детских сказок оказалось сложнее, чем смотреть в лицо смерти.

— Ты... ты знакома с моими домовыми? — севшим голосом спросил Матвей.

— Это не домовые, это государственные преступники! — отрезала Ярославна. — Они мне ритуал сорвали! Кинули портал куда попало! А теперь пусть отрабатывают. Дед Мокша, — обратилась она к водяному, — крепость на реке стоит? Колодцы полные?

— До краев, красавица, — прохрипел водяной, шаркая ножкой.

— Заморозь воду в основаниях стен на пять локтей вглубь. Чтоб гранит монолитом встал. Никакие тараны не возьмут. А ты, Енька-скрипун, — палец Ярославны уперся в грудь лешему, — гниль подземную под восточными воротами шевельни. Пусть земля под ногами орков ходуном ходит. Провалы делайте.

Леший и водяной переглянулись. В их желтых глазах мелькнул испуг. Одно дело — шутки шутить над глупой девчонкой в лесу, другое — идти против воли хозяина дома, где ты находишься.

— Так это... — проямлил леший. — Господин генерал запрет налагал на чародейство в пределах фортеции...

Матвей медленно провел рукой по лицу. Механически

проверил, на месте ли его амулет — серебряный круг с руной Одал, еще одно творение бабушки Аглаи. Амулет грелся. Означало это одно: духи настоящие, угроза реальная, а происходящее в его спальне — не горячечный бред.

— Значит так, — произнес он наконец, и в голосе зазвонел металл приказа. — Лесной мусор. Приказываю слушать ведьму как меня самого. Выполнять беспрекословно. Если город падет, я собственноручно повыдергаю вам всем корни и высушу на батарее. Ясно?

Водяной икнул и перекрестился плавником. Леший рухнул на колени:

— Пощади, отец родной! Все сделаем, не губи!

Матвей удовлетворенно кивнул. Только что он совершил самое большое должностное преступление в карьере — отдал стратегический объект под управление сумасшедшей девицы и двух фольклорных элементов. Но выбора не было. Восточные ворота трещали под ударами осадных орудий. Звук шел непрерывной, сводящей с ума вибрацией.

— А ты, — генерал обернулся к Ярославне. Она тяжело дышала, прислонившись к столу. Ночная рубаха распахнулась на плече, обнажив тонкую ключицу. Несмотря на ситуацию, Матвей отметил про себя, что фигура у лесной нахалки

донельзя ладная. Кровь с молоком, как говорили в деревне.
— Раз уж ты здесь главная, марш одеваться.

Он подошел к своему огромному сундуку в ногах кровати, откинул тяжелую крышку и принялся рыться внутри, бросая вещи на постель.

— Рубаха льняная, новая. Порты суконные. Сапоги сорок третьего размера, разношенные, должны подойти. Куртка кожанка егерская. Шлем не дам, свалится, только обзор закрывать будешь. Вот, держи.

Он швырнул ей плотный сверток ткани. Ярославна поймала его неловко, прижимая к груди.

— Зачем? — опешила она.

— Затем, что стоять на стене и морозить воду в штанах удобнее, когда штаны сухие и теплые, а не эти твои кружева мертвеца, — буркнул Матвей, затягивая ремни на наручах.
— И еще. Если выкинешь какой-нибудь фокус, попытаешься открыть портал или призвать демона без моего ведома — клянусь Перуном-громовержцем, я свяжу тебя собственными портянками и использую как приманку для гоблинских шаманов. Доступно объясняю?

Ярославна смотрела на сурового мужчину, облачающегося в сталь. Страх перед ним боролся в ней с ужасом проис-

ходящего снаружи. Она кивнула, сжимая в руках одежду.

— Имя-то у тебя есть, архимагистр? — неожиданно усмехнулся Матвей, цепляя на пояс кинжал.

— Ярославна, — тихо ответила она, начиная стаскивать через голову ночную рубашку. Матвей деликатно отвернулся к окну, хотя отражение в стекле позволяло видеть почти все.

— Ярославна, значит, — повторил он, глядя на поднимающиеся столбы черного дыма над городом. — А я Матвей. Для тебя — господин генерал-лейтенант.

— Очень приятно, сухарь армейский, — огрызнулась она уже из-под плотной егерской куртки. Одежда генерала пахла им — табаком, кожей и опасностью. Странно, но этот запах успокаивал лучше любых защитных заговоров.

— Взаимно, болотная фея, — парировал он, вешая на шею еще один защитный амулет — поменьше, явно женский. Протянул его Ярославне. — На. Бабкин подарок. От мелкой пакостной магии. Мало ли, свои же зацепят каким сглазом. Цепляй на шею.

Ярославна машинально приняла теплый серебряный диск. Нерушимая защита от ведьм. Символ абсолютной власти человеческого разума над хаосом. Ирония судьбы заключалась в том, что именно эта защита делала Матвея неуязви-

мым для ее потенциальной мощи, но сейчас он добровольно давал ей щит против мира, которому сам же служил.

За окном раздался особенно громкий взрыв, сопровождаемый многоголосым ревом. Земля ощутимо дрогнула.

— Это сигнал, — лицо Матвея превратилось в жесткую маску. — Первая волна пошла на пролом. Наш выход, ведьма. Посмотрим, стоишь ли ты хоть ломаной копейки тех слов, что кричала в моей постели.

Он шагнул к двери, на ходу обнажая меч. Лезвие бастарда издало чистый, певучий звук.

— И запомни, Лисия, — бросил он через плечо, выходя в коридор. — Если погибнешь, я твою душу лично достану из Навьего Царства, чтобы устроить внеочередной строевой смотр. Бегом марш!

Ярославна, заправляя за ухо рыжую прядь и на бегу закалывая волосы костяным гребнем, бросилась следом за этим невыносимым, грубым, ненавистным и почему-то самым надежным мужчиной в ее жизни. Коридоры крепости наполнились топотом сотен ног, лязгом железа и криками командиров. Крепость Вышегород готовилась встречать рассвет последней войной. Или первой битвой нового мира.

Глава 3.

Рассвет в день Ивана Купалы должен быть золотым, пахнущим росой и парным молоком. Он должен окрашивать верхушки сосен в цвет расплавленного меда и заставлять мир просыпаться с улыбкой. Но тот рассвет, что встретил земли Святомира, был цвета запекшейся крови и тяжелого свинца.

Грохот сотряс стены Вышеграда до самого основания. Это не были удары стенобитных орудий — орки презирали долгую осаду так же сильно, как чистоту и поэзию. Они предпочитали таран из живого веса. Тысячи зеленокожих тел, вооруженных дубинами, утыканными костями, и ржавыми ятаганами, ударили в Восточные ворота одновременно.

Бух. Бух. БУХ.

Звук отдавался в зубах, заполнял легкие, вытеснял воздух. Матвей Ретивый вылетел из своей башни на боевую галерею северной стены за считанные секунды. Ярославна едва поспевала за ним, путаясь в широких штанинах генеральских порций и ежесекундно поддергивая куртку, которая была ей велика размера на три. Кожаный воротник неприятно

тер шею.

То, что она увидела со стены, заставило ее желудок сжаться в ледяной комок.

Ров перед стенами, который еще вчера казался надежной преградой, превратился в кишасщее месиво. Гоблины — мелкие, склизкие, воняющие болотом и гнилым мясом существа — лезли друг другу по головам, используя собственные тела как живой мост. Их визг напоминал звук стаи голодных шакалов, которым прищемили хвосты. Над этой копошащейся массой возвышались орки. Настоящие горы мускулов, покрытые серо-зеленой шкурой, с клыками, торчащими из-под массивных нижних челюстей. На их плечах лежали бревна, которыми они работали как таранами, а спины прикрывали грубые деревянные щиты, обитые плохо выделанной кожей.

— Мать честная... — выдохнул рядом старый капрал, перезаряжая тяжелый крепостной арбалет. Тетива скрипнула, отправляя короткий толстый болт размером с хороший кинжал вниз, в толпу. Снизу раздался утробный рев боли. — Никак две тысячи рыл привалило. Не меньше.

Матвей встал у зубца стены, положив руки на холодный камень. Его лицо превратилось в гипсовую маску. Только желваки ходили ходуном да пальцы левой руки выбивали

дробь на рукояти меча.

— Лестницы, — бросил он отрывисто, глядя вдаль поверх голов штурмующих. — Южный сектор. Они подогнали осадные башни. Почему молчат катапульты?

— Камни кончились, господин генерал! — проорал кто-то снизу, от машинерии. — Ядра только мраморные парадные остались!

— Бейте мрамором! — рывкнул Матвей. — Мне нужны дыры в их черепах, а не эстетическое удовольствие! Где резерв?!

Ярославна стояла, вцепившись побелевшими пальцами в каменный зубец. Она пыталась дышать. Воздух обжигал горло гарью. Запах паленой шерсти смешивался с запахом пота сотен мужчин и сладковатым, тошнотворным смрадом гоблинской крови. Ей хотелось зажать уши, закрыть глаза и проснуться в своей постели в лесной избушке, где самое страшное событие — это забредший в огород медведь.

Но лес звал ее. И этот зов сейчас перекрывал даже животный ужас.

Она закрыла глаза, пытаясь отстраниться от криков умирающих ратников и лязга стали. Сначала она услышала стон. Древний, протяжный стон вековых дубов, чьи корни уходи-

ли глубоко под фундаменты крепости. Деревья боялись огня больше, чем люди боялись смерти. Затем пришел шепот. Тонкий, плачущий голос лозняка, стелющегося вдоль реки Смородины. Вода чувствовала приближение чужой, мертвой магии Морока и мутилась от страха.

Земля дрожала. Но дрожала она не только от топота тысяч ног. Она пульсировала. Жила.

— Лисия! — жесткий тычок пальцем в плечо вывел ее из транса. — Очнулась? Хватит медитировать, нас сейчас отсюда сбросят!

Матвей тряс ее за плечо. Его лицо было всего в нескольких дюймах от нее. В серых глазах генерала не было паники — там был холодный расчет, но вокруг глаз залегли тени смертельной усталости.

— У тебя был план? Ты обещала магию природы! Самое время предъявить счет! Иначе через пять минут эти милые ребята будут жарить свои пайки на развалинах твоей кухни!

В подтверждение его слов над краем стены показалась оскаленная морда. Огромный орк, зацепившись когтями за стык камней, подтянулся на одной руке. Вторая рука сжимала тесак, с которого уже капала чья-то кровь.

Ярославна взвизгнула и отшатнулась, споткнувшись о моток каната. Орк зарычал, заноса руку для удара. Время замедлилось. Генерал действовал быстрее мысли. Он шагнул вперед, игнорируя летящий тесак — лезвие лишь высекло искру из его наплечника — и коротким, экономичным движением вбил свой бастард орку прямо в открытую пасть, пробив мозг снизу вверх. Зеленокожий булькнул и обвис, превратившись в неподъемную тушу, повисшую на стене.

— Спасибо, — прохрипела Ярославна, отползая назад.

— Потом поблаговаришь, когда выживем, — отрезал Матвей, вытирая клинок об одежду убитого. — Работай, ведьма! Или мне самому корнями командовать?!

Это сработало лучше любых уговоров. Обида и злость оказались отличным топливом для выживания. Ярославна встала на ноги. Ноги дрожали, но внутри разгорался зеленый огонь.

Она раскинула руки ладонями вниз, касаясь ими нагретого солнцем камня парапета. Она перестала видеть стену. Перед внутренним взором развернулась карта корней. Фундамент Вышеграда стоял на мощном пласте известняка, переплетенного сетью древних, спящих корней старого Вяза-патриарха, что рос в центре внутреннего двора. Корни были сонными, ленивыми, привыкшими просто пить воду.

— Просыпайся, дедушка, — прошептала Ярославна, вкладывая в слова не силу голоса, а силу дара. — Пора завтракать.

Сначала ничего не происходило. Матвей, отбивавшийся теперь сразу от двух гоблинов, перемахнувших через зубцы, покосился на нее с явным сомнением в своем рассудке. Он крутился волчком, его меч пел смертоносную песню, отсекая чешуйчатые лапы и тупые морды, но врагов становилось все больше. Стена начала скользить от черной крови.

А потом земля вздохнула.

Там, где орда гоблинов плотнее всего сбивалась у подножия южной стены, готова живой трамплин для штурма, почва пошла трещинами. Толстые, толщиной с человеческую ногу, корни древнего вяза вырвались из-под дерна. Они не били, нет. Они двигались плавно, хищно, словно змеи. Один корень метнулся вправо, захлестывая лодыжку особо крупного орка-шамана, разодетого в кости и перья. Дернул на себя. Шамана смело с холма, как сухую ветку, и с влажным хрустом впечатало в борт собственной осадной башни. Башня накренилась.

Второй корень ушел вертикально вниз, пронзая рыхлую

землю, набухшую от влаги. Ярославна почувствовала вкус подземной воды — холодной, железистой. Она потянула эту влагу вверх, приказывая замерзнуть. Известняк фундамента начал стремительно покрываться инеем, который тут же превращался в толстую корку льда. Земля под ногами наступающих промерзла на локоть вглубь, став твердой, как гранит.

Гоблины, бежавшие босиком или в легкой кожаной обуви, начали поскальзываться. Их маленькие когтистые лапки разъезжались. Живой мост сломался. Десятки мелких тварей посыпались в ров, ломая шеи и хребты о колья. Те, кто успел добежать до стены, обнаружили, что их ступни примерзли намертво. Истощенный, режущий ухо визг десятков существ слился в единую симфонию ужаса.

— А говорили, бабы сказки! — восторженно проревел капрал-арбалетчик, всаживая болт в замешкавшегося орка. — Давай, девка! Подмораживай им пятки!

Ярославна открыла глаза. Лицо ее было бледным, на висках выступил пот, губы посинели от колоссального напряжения. Дар друидов требовал платы — жизненной силы. Каждый вытянутый корень забирал частичку ее тепла. Но вид того, как вражеский строй превращается в хаотичное стадо баранов, стоящих на льду, пьянил сильнее вина.

— Лед хрупкий, — сказала она Матвею, тяжело дыша. — Если они пустят тяжелых троллей...

— Троллей пока нет, — отозвался генерал, снося голову очередному прыгуну. Он дышал ровно, движения оставались безупречными, хотя левая рука уже покраснела от порезанной кожи. — Лисия, правая башня! Там лестница!

Ярославна перевела взгляд. Действительно, приставная лестница из цельного древесного ствола, утыканная гвоздями, плотно уперлась в кладку правой башни. По ней, мешая друг другу, карабкалось не меньше десятка орков. Лучники на башне поливали их стрелами, но густые шкуры и азарт атаки делали свое дело — зеленые падали, но их место занимали новые.

Девушка сжала кулаки. Управлять живыми корнями издалека было сложнее. Нужно было найти точку опоры. Ее взгляд упал на самую лестницу. Прекрасная, старая, сердцевинная древесина. Идеальный проводник.

— Прости, дерево, — одними губами извинилась она. — Но тебе будет больно ради правого дела.

Она опустила ладони на камень рядом с собой. Представила лестницу не как предмет, а как продолжение леса. Приказала клеткам древесины вспомнить свою истинную при-

роду. Вспомнить, что они — ветви, тянущиеся к небу, а не ступени для убийц.

Лестница ожила.

Ствол дерева, казалось, застонал. Гвозди, удерживающие поперечины, со скрипом полезли наружу — древесина начала стремительно разбухать, утолщаться, сопротивляясь чужому металлу. Поперечные брусья лестницы выгнулись дугой, затем резко схлопнулись внутрь, превращая ровный трап в жуткую гармошку.

Орки, находившиеся на середине подъема, потеряли опору. Раздался треск ломающегося дерева и многоголосый предсмертный вой. Зеленокожие полетели вниз, сбивая своих же товарищей, столпившихся внизу. Лестница окончательно сложилась, превратившись в бесформенный клубок щепы и коры, намертво заклинивший пространство между землей и стеной.

— Вот это фокус! — Матвей крутанул меч, стряхивая с клинка ошметки чего-то липкого. Впервые за утро уголок его рта дрогнул в подобии усмешки. — Одобряю. Продолжай в том же духе. Главное, не свались тут в обморок от натуги, ловить тебя некому.

Он перехватил инициативу. Пока Ярославна держала "ледяные оковы" на юге и контролировала остатки флоры, Матвей стал центром обороны сектора. Его голос перекрывал шум битвы:

— Арбалетчики, навесом по щитоносцам! Пекари, смолу лей! Горящую! Шевелись, покойники беременные!

Смола, черная, кипящая, тягучая, выплеснулась со стены водопадом. Она обрушилась на головы шаманов орков. Те заверещали, когда жидкий огонь прожег их ритуальные маски и впился в кожу. Магия Морока давала им ярость, но законы физики никто не отменял — гореть они начали замечательно.

Битва текла своим чередом. Кровавым, грязным, оглушительным потоком. Ярославна чувствовала, как уходит песок в часах ее сил. Голова кружилась. Чтобы удерживать контроль над таким объемом растительной массы, нужен был канал связи. И она его нашла.

Сквозь грохот барабанов орков — глухих, угрожающих бум-бум-бум — она начала различать другой ритм. Сердцебиение земли. Оно было быстрым, тревожным, полным боли (где-то в конюшнях загорелась крыша), но оно было мощным. Ярославна качнулась, оперлась спиной о зубец стены. Она больше не управляла каждым корнем отдельно. Она ста-

ла дирижером огромного оркестра.

Она позволила земле самой решать, как защищаться.

Почва во дворе замка, мягкая после вчерашнего дождя, вдруг вскипела. Трава почернела и пожухла, сворачиваясь в сухие трубочки. Из трещин полезли тонкие, но невероятно прочные побеги ядовитого плюща-древоточца. Обычно он годами грыз старые амбары, но сейчас, получив волю хозяйки леса, он ринулся в бой. Зеленые плети выстреливали из земли, как арбалетные болты, обвивая ноги тех немногих орков, что умудрились перебраться через ров по трупам своих собратьев.

Плющ не просто хватал. Он жалил. Сок древоточца вызывал мгновенный паралич и слепоту. Орки валились наземь, царапая лица, пытаясь содрать с себя живые веревки, которые только глубже впивались в мясо.

— Кха-кха... — Ярославна закашлялась, сгибаясь пополам. Во рту появился металлический привкус. Носовое кровотечение. Первый признак полного истощения мага.

Матвей заметил это мгновенно. Профессиональный военный всегда видит момент, когда союзник перестает быть боевой единицей. Он схватил девушку за шкурку куртки, от-

ташил от края стены в безопасное место за выступом каменной кладки, где дежурил санитар с сумкой бинтов.

— Все, шабаш. Садись. Облокотись.

— Я могу... еще немного... — попыталась воспротивиться Ярославна, размазывая кровь по подбородку.

— Можешь потерять сознание и свернуть себе шею, — жестко оборвал он. — Дальше сами справимся. Откат пошел. Это нормально. Значит, сила настоящая.

Он передал ее санитару — пожилому дядьке с седой бородой и руками, похожими на лопаты.

— Присмотри за гражданкой. Если начнет помирать — дай хлебной водки. Только не всю бутылку, нам самим мало.

Генерал снова вышел на линию огня. Битва на стенах перешла в фазу резни. Орки наконец проломили баррикаду на южном участке. Теперь враг был везде. Звенела сталь, хрипели раненые, чавкал металл, входя в плоть.

Ярославна сидела на полу, привалившись к теплему боку какой-то бомбарды. Мир сузился до размеров каменного пола под ней. Она видела только сапоги сражающихся. Сапоги Матвея стояли твердо. Он не отступал ни на шаг, работая мечом и тяжелым клевцом с механической точностью машины для убийства. Казалось, он сделан не из мяса и костей, а

из гранита и сквернословия.

И в этот момент, глядя на широкую спину человека, который десять минут назад называл ее болотной феей и грозился связать портянками, Ярославна поняла одну простую вещь.

Ей впервые за много лет — пожалуй, с момента смерти бабушки — не было страшно умереть. Потому что смерть здесь, среди этого ада, означала бы конец пути. А путь только начинался. Этот невыносимый солдафон спас ей жизнь дважды. Сначала вытащив из спальни, а теперь закрывая собой направление главного удара. И пусть он делает это с вечной ухмылочкой и оскорблениями, суть оставалась сутью: он стоял на защите ее дома.

Стычка десяти минут назад в спальне казалась теперь далеким, нелепым сном. Здесь, на залитой кровью стене, под градом стрел, не было места обидам сестры, разбитому сердцу генерала и испорченным ритуалам. Была только стена. Были враги. И была необходимость стоять.

— Воду, — прохрипела она санитару. — И тряпку.

Смочив кусок чистого полотна, она стерла с лица кровь и сажу. Посмотрела на свои руки. Они дрожали, но ногти по-

зеленели, а под кожей, казалось, струился сок деревьев. Дар принял ее. Лес признал в ней хозяйку, пусть и очень неумелую, почти убившую себя перенапряжением.

Штурм продолжался третий час. Солнце поднялось выше, безжалостно освещая масштабы катастрофы. Орда не иссякала. Казалось, степь родила этих тварей бесконечное множество. Ворота Восточного проезда затрещали в последний раз и с оглушительным грохотом рухнули внутрь, погребая под собой десяток защитников.

— Началось, — выдохнул Матвей, оказавшись рядом с Ярославной снова. Он прислонился к стене, переводя дух. Левая сторона его кирасы была вмята ударом булавы, шлем потерял один рог. Щеку пересекала глубокая царапина, из которой сочилась кровь. Но глаза горели тем же холодным огнем. — Сейчас попрут в город. Нам нужно уходить. Моя задача — князь. Если Свята завалят, вся эта утренняя зарядка теряет смысл.

Он посмотрел на Ярославну сверху вниз. Оценивающе. Как оценивают лошадь перед долгим переходом.

— Ноги ходят? Голова соображает?

Ярославна кивнула. Она пошатываясь поднялась на ноги. Земля все еще ходила ходуном, но теперь это была усталость

вестибулярного аппарата, а не слабость.

— Ходят. Соображает. Куда мы?

— Через донжон. Тайным ходом. Князь ждет меня в Малом зале. Собирает совет. Ты пойдешь со мной.

— Зачем? — удивилась она. — Я думала, мое место здесь, со стихиями.

— Твое место, чудо, там, где я смогу за тобой присматривать, — отрезал Матвей, грубо подталкивая ее к лестнице, ведущей во внутренние помещения башни. — Думаешь, если ты заморозила пару сотен гоблинов, ты стала бессмертной? Стоит шаману Морока ткнуть в тебя пальцем, и твоя защита твоей бабки Аглаи рассыплется трухой. А моя голова стоит дорого. Без моего командования дружина превратится в стадо. Поэтому ты будешь висеть у меня на поясе, как самый бесполезный, но дорогой талисман на удачу. Поняла?

Не дожидаясь ответа, он начал спускаться по узким каменным ступеням. Следом за ним, прижимая к груди окровавленную тряпку, двинулась Ярославна.

Наверху, на стенах Вышеграда, продолжали греметь барабаны орков. Город горел. Война пришла в дом. Но девушка, идущая вслед за генералом в сырую темноту тайного хо-

да, знала точно: то, что началось как проваленное колдовство и глупая шутка лесных духов, сегодня утром переросло в нечто большее. В партнерство, скрепленное льдом, кровью и взаимной язвительностью.

Глава 4.

Тайный ход вонял веками. Это был сложный букет из пре-лой земли, застарелой крысиной мочи, сырого известняка и того специфического запаха пустоты, который всегда сопровождает заброшенные подземелья. Под сапогами Матвея хлюпала вода, а с низкого сводчатого потолка то и дело срывались холодные капли, норовя попасть за шиворот.

Ярославна шла второй, стараясь не отставать от широкой спины генерала ни на шаг. Темнота здесь была абсолютной, первородной — такой, какая бывает только глубоко под землей, куда никогда не заглядывает солнце. Единственным источником света служил тусклый химический фонарь в руке идущего впереди ратника-связного. Желтоватый, мерцающий свет выхватывал из мрака лишь пару метров скользких стен, покрытых слизистым мхом, да спину самого Матвея.

Генерал двигался уверенно, словно гулял по собственному саду. За двадцать лет службы он изучил Вышеград лучше, чем линии на своей ладони. Каждый поворот, каждая ступенька этой тайной лестницы были вытоптаны его памятью.

— Пригни голову, — бросил он через плечо, даже не обо-

рачиваясь. — Тут балка низкая. Если расшибешь свой ведьмовской лоб, я тебя лечить не буду, брошу гоблинам на забаву.

— Очень остроумно, ваше превосходительство, — огрызнулась Ярославна, инстинктивно вытягивая шею. Куртка генерала пахла порохом, железом и потом. Запах войны намертво въелся в толстую кожу. Странно, но сейчас этот запах казался ей самым надежным ароматом в мире. Он означал, что рядом есть кто-то, кто знает, что делать, пока она сама пребывает в состоянии панической растерянности.

Они миновали три уровня подземных галерей. Наверху, над их головами, все еще ревел шторм. Гул ударов таранов о внешние стены теперь звучал глухо, как сквозь толстый слой ваты, но вибрация пола напоминала: смерть никуда не ушла. Она просто сменила позицию.

Наконец лестница закончилась массивной дубовой дверью, окованной бронзовыми полосами. Связной трижды стукнул условным ритмом. С той стороны щелкнули замки. Дверь открылась без единого скрипа — петли здесь смазывали ежедневно лучшими маслами.

Яркий дневной свет ударил Ярославне по глазам, заставив зажмуриться до слез. Они вышли из неприметной кладовой,

завешанной старыми рыболовными сетями и залежами сушеных трав прямо в Малый приемный зал княжьего терема.

Контраст между темным ходом и этим помещением был оглушительным. Здесь царили покой и порядок, которые кажутся неуместными во время апокалипсиса. Толстые ковры глушили шаги. В огромном камине горел ровный огонь, источая уютное тепло. На стенах висели гобелены со сценами охоты и древних побед, золото вышивки поблескивало в свете сотен свечей. Пахло ладаном, старым деревом и книжной пылью.

Но люди, собравшиеся здесь, разрушали иллюзию безопасности одним своим видом.

У камина, тяжело опираясь обеими руками на рукоять огромного двуручного меча, воткнутого острием в каменный пол, стоял мужчина.

Князь Святомир.

Даже для Ярославны, выросшей в лесу и мало видевшей высшей знати, его присутствие ощущалось физически. Это было похоже на приближение грозы: воздух становится плотным, электрическим, дышать трудно, а сердце начинает биться чаще непонятно от чего.

Святомиру было около тридцати пяти. Высокий — почти вровень с долговязым Матвеем, но сложен иначе. Если генерал состоял из жил, узловатых мышц и закаленной стали, то князь выглядел высеченным из цельного куска белого мрамора. У него были широкие плечи пловца или гребца, мощная грудь, но при этом удивительная, почти болезненная грация в движениях. Кожа слишком бледная для человека, проводящего дни в походах, черты лица — правильные, аристократичные до резкости. Прямой нос, высокие скулы, твердая линия подбородка. Но главным были глаза. Необычайно светлые, цвета расплавленного серебра, они смотрели так, будто видели не только вошедших людей, но и самую суть времени вокруг них. И эта глубина взгляда пугала больше, чем орочьи топоры.

Одет он был просто: в темные штаны, мягкие сапоги и белую шелковую рубаху с закатанными до локтей рукавами. Рубаха уже пропиталась потом на спине и под мышками. Правое предплечье князя перетягивала свежая повязка, на которой проступали багровые пятна.

— Матвей, — голос Святомира оказался глубоким, бархатным, с легкой хрипотцой человека, который много командовал на морозе. — Докладывай. Что с Восточными воротами?

— Ворота пали, государь, — Матвей сделал два шага вперед и коротко поклонился, не убирая руки с навершия своего меча. — Держим внутренний периметр донжона. Первая волна зеленомордых откатилась ко рву, перемалываем остатки нашими катапультами. Потери... значительные. Третья сотня легла почти целиком. Резерв латников вступил в бой, долго не продержатся.

Святомир медленно кивнул. Его серебряные глаза на мгновение закрылись, скрывая ту бесконечную усталость, которую он носил в себе годами. Когда он открыл их снова, взгляд стал острым, как лезвие бритвы. Только сейчас он заметил Ярославу, жавшуюся за плечом генерала.

— А это еще что за лесной дух? — брови князя сошлись к переносице. — Матвей, ты привел пленную шаманку в святая святых? Пока мы тут обсуждаем выживание княжества, ты решил устроить мне показ мод выживальщиц из чащи?

Матвей едва заметно усмехнулся уголком рта.

— Это Лисия, государь. Та самая девица, что материализовалась сегодня ночью в моей спальне вместе с комодом. Утверждает, что архимагистр друидов. Язык длинный, характер скверный, магии кот наплакал, но стену от гоблинов отчистила знатно. Корнями их душила, представляешь? По-

что эротическое зрелище.

Ярославна вспыхнула до корней волос. Ей захотелось пнуть генерала под коленку, но останавливало присутствие князя. От фигуры Святомира исходила такая властность, что язык присыхал к небу.

— Архимагистр? — Святомир перевел свои потусторонние глаза на девушку. Осмотрел ее с ног до головы — грязную куртку, чужие порты, перепачканное лицо, растрепанные рыжие волосы. Уголок его губ дрогнул в слабой улыбке. — По тебе видно, что Круг переживает не лучшие времена. Как твое имя, дитя леса?

— Яр... Ярославна Лисия, мой князь, — выдавила она, пытаясь сделать нечто среднее между реверансом и армейской стойкой «смирно». Ноги предательски дрожали после магического истощения.

— Лисия... — задумчиво протянул Святомир. Серебряные глаза чуть сузились, всматриваясь глубже, чем позволяли приличия. Казалось, он смотрит не на ее лицо, а сквозь него, куда-то внутрь черепа. — Знакомый корень. Древний. Велесова ветвь, если память меня не подводит. Первородная кровь.

Ярославна замерла. О ее происхождении знали единицы. Бабка Аглая перед смертью взяла с нее страшную клятву молчать. Кровь бога природы и древней ведьмы-праматери считалась проклятием среди церковников Перуна. Любой инквизитор отдал бы правую руку за возможность сжечь последнюю Лисию на костре.

— Ты права крови не имеешь, — спокойно констатировал князь, отворачиваясь обратно к карте стола. — Садись. Хлеб горячего копчения и квас на буфете. Ешь. Тебя шатает.

Он сказал это так обыденно, словно предлагал табурет уставшему крестьянину. Никакого страха перед "ведовской кровью", никакого религиозного трепета. Лишь констатация факта смертельно уставшего правителя.

Ярославна несмело подошла к длинному овальному столу из мореного дуба. За ним сидели остальные члены совета. Старый воевода Борислав — седой как лунь, с лицом, похожим на печеное яблоко, сплошь состоящим из шрамов. Верховный волхв Радосвет — сухой старик в белых одеждах, перебирающий янтарные четки. И несколько сотников с лицами черными от копоти.

— Итак, — Святомир оперся кулаками о карту земель Святомира, расстеленную поверх столешницы. Крас-

ные флажки отмечали места прорывов. — Мы заперты в собственном городе. Орда Морока обложила Вышеград. Это не обычный набег за добычей. Это охота.

Волхв Радосвет степенно поднялся. Его тонкие пальцы, несмотря на возраст, казались выкованными из железа.

— Истинно так, Государь. Мои ученики на башнях пытались прозреть эфир. Там, за линией холмов, где стоит главная ставка врага, пространство трещит по швам. Мы чувствуем дыхание Бездны. Тот, кто ведет этих тварей — не орк. Это аватар. Вестник божества извне. Имя ему Морок, Пожиратель Света. Бог забвения и энтропии.

В зале повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь треском поленьев в камине. Даже вечно язвительный Матвей посерьезнел, перестав разглядывать фигуру Ярославны.

— Десять лет назад звезды встали в узел Хаоса, — продолжил волхв скрипучим голосом. — Завеса между мирами истончилась. Старые боги — Перун, Велес, Макошь — поняли, что проигрывают. Их время уходит. Они собрали Совет на Изначальном Холме и ушли. Закрыли двери изнутри. Но перед уходом они оставили завещание.

Радосвет достал из складок одежды небольшой кожаный футляр. Достал оттуда пергамент, пожелтевший настолько,

что казался прозрачным.

— Мир нельзя оставить без защиты. Если Морок поглотит Святомир, он проглотит и другие миры, пойдет дальше по цепочке сфер. Поэтому боги велели искать своих преемников. Тех, в ком сила переродится в новом качестве. Не богов-демиургов, но Хранителей Равновесия. Артефакт-Проводник должен указать на семерых достойных.

— Очередная сказка про избранных, — скривился старый воевода Борислав, хлопнув тяжелой ладонью по столу. — Пока мы ищем семерых мифических героев, нас сожрут вполне реальные орки! Нам нужны сталь и камень, Радосвет! Нужна помощь соседей!

— Соседи не придут, — тихо, но так, что услышали все, произнес Святомир. — Гонцы вернулись. Лесное Королевство закрылось в своих кронах, Торхейм запечатал ущелья льдом. Все боятся заразы Морока. Мы одни, Борислав. И если нам суждено стать последним оплотом, мы станем им. Где артефакт?

Волхв благоговейно развернул пергамент. Это была карта горных хребтов Полуночных Земель, испещренная рунами, значение которых давно забылось.

— Копье Небес сокрыто в Огненных Чертогах. Вершина горы Три Сестры. Святилище Предвечных. Говорят, сам ал-

тарь там сделан из кости первого дракона. Артефакт ждет тех, чья кровь чиста от сомнений.

Матвей громко фыркнул, привлекая внимание всех присутствующих.

— Чистота крови, говорите? — он издевательски покосился на свою окровавленную кирасу. — Ну-ну. Значит, план такой: мы прорубаемся сквозь армию мертвяков и мутантов, лезем на гору, которая плюется лавой, берем блестящую цапку и надеемся, что она решит наши проблемы? Замечательный тактический расклад. Мне нравится. Особенно часть про прорубание. Когда выступаем?

Святомир посмотрел на генерала долгим взглядом. В этом взгляде не было раздражения на дерзость, скорее — горькое понимание.

— Выступаем завтра на рассвете, — ответил князь. — Тайным ходом выведем малый отряд. Основные силы останутся держать город. Мы должны выиграть время. Если мы найдем Копье...

Дверь зала с грохотом распахнулась, оборвав фразу. Вбежал молодой вестовой, поддерживая левую руку. Рукав его был пропитан кровью.

— Государь! — выдохнул он, пошатываясь. — Западная стена! Шаманы пробили защиту огнем! Башня Скорбящих

рухнула! Зеленомордые пошли на приступ через пролом! Дружина пятится!

Борислав вскочил, хватаясь за секиру.

— Надо спускаться! Ведите меня к людям!

— Погоди, — поднял руку Святомир. Он смотрел на карту, затем перевел взгляд на Матвея. Затем на Ярославну.

Девушка вздрогнула под этим взглядом. Было в нем что-то такое, от чего кожа покрывалась мурашками. Не вождение мужчины к женщине. Не интерес командира к ресурсу. Это было узнавание. Словно человек, потерявший брата-близнеца спустя тридцать лет, вдруг увидел родное лицо в толпе.

— Лисия, — позвал князь. Голос его изменился, став мягче, интимнее, теплее. — Ты сказала, что управляла корнями. Почувствовала лес. Скажи... когда ты смотришь на меня, что ты видишь?

Вопрос застал всех врасплох. Воевода нахмурился. Волхв перестал перебирать четки. Матвей напрягся, готовый закрыть князя собой, если вопрос окажется началом колдовской атаки.

Ярославна сглотнула. Она посмотрела на Святомира. И впервые позволила своему дару — тому самому маленькому, теплому угольку внутри — откликнуться не на зов деревьев, а на зов стоящего перед ней человека.

Она ожидала увидеть серую ауру солдата, красную — ярости битвы, или золотую — власти.

Но то, что открылось ей, заставило ее колени подкоситься.

За плечами князя стояла Тень. Огромная, переливающаяся всеми оттенками радуги, пульсирующая фигура. Величиной с колокольню, она состояла не из мрака, а из чистого, ослепительного света, спрессованного до плотности камня. У тени не было лица, но Ярославна знала — оно прекрасно и ужасающе одновременно. Это была кровь. Наследие поколений. Сущность, древняя, как само небо. В жилах обычного человека течет красная жидкость, доставшаяся от обезьян. В жилах этого мужчины тек жидкий звездный огонь.

— Я вижу... — прошептала Ярославна, и слова давались ей с трудом, горло пересохло. — Я вижу океан. Бесконечный золотой океан света. И бурю в нем. Вы... вы больны, мой князь. Ваша суть слишком велика для человеческого тела. Она сжигает вас изнутри.

Святомир прикрыл глаза. На его бледном лице отразилось

облегчение, смешанное с невыразимой грустью.

— Наконец-то, — выдохнул он. — Десять лет, Матвей. Десять лет я пытаюсь объяснить советникам, почему ем за троих, почему не мерзну в снегу и почему каждый раз, когда я злюсь, стекла в радиусе версты лопаются. Они называли это даром демиурга. Проклятием. Болезнью.

Матвей шумно выдохнул, снимая шлем и запуская пятерню в короткие мокрые волосы.

— Так вот почему бабкина защита на тебя реагирует странно, — пробормотал генерал. — Я думал, ты просто уникальный засранец с повышенной сопротивляемостью к ядам. А ты, оказывается, недоделанный идол.

— Я последний сосуд, — тихо поправил его Святомир, открывая серебряные глаза. В них больше не было обычной человеческой усталости. Теперь там плескалась космическая бездна. — Последний прямой потомок первых детей Творца. Кровь богов разбавлена столетиями браков со смертными, но она все еще кипит. Морок знает это. Ему не нужен наш скот, наши земли или наше золото. Ему нужна моя голова, чтобы разбить печать последнего договора. Если паду я — падут все барьеры. Наш мир станет просто кормом для его голодного брюха.

Ярославна смотрела на него, не отрываясь. Страх перед

штурмом, страх перед генералом, страх перед собственной судьбой — все это испарилось, оставив место одному всепоглощающему чувству. Притяжению.

Ее тянуло к нему физически. Каждая клеточка тела кричала, что нужно подойти ближе, коснуться руки, вдохнуть тот же воздух. Это было иррационально, опасно, неправильно. Перед ней стоял правитель чужой страны, существо иного порядка. А она — девчонка из леса, чьи амбиции вчера ограничивались желанием заставить яблоню плодоносить зимой.

— Если твоя кровь столь ценна, — подал голос молчавший доселе волхв Радосвет, сверкая глазами из-под курстистых бровей, — тебе категорически запрещено покидать крепость. Один случайный болт арбалетчика, одна царапина отравленным клинком...

— Именно поэтому я пойду за Копьем сам, — отрезал Святомир. — И Лисия идет со мной.

Это заявление произвело эффект разорвавшегося горшка с греческим огнем.

— Что?! — взревел Матвей, делая шаг вперед. — Ваше Высочество, вы в своем уме? Мало мне одной сумасшедшей ведьмы на балансе, вы хотите вторую добавить? Она же се-

бя еле на ногах держит! Какой из нее спутник в горах? Она там первую же сосну попытается соблазнить и умрет от переутомления!

— Молчать, генерал, — голос князя лязгнул металлом, не терпящим возражений. — Я видел записи старых хроник. Преемники рождаются парами. Всегда. Баланс стихий. То, что привело её сюда — твой защитный амулет твоей бабушки — сработал не случайно. Магия рода Лисиев притянулась к моему маяку. Она — вторая половина уравнения. Без нее Копье не признает меня. Или наоборот.

— Прекрасно, — процедил Матвей, глядя на Ярославну с плохо скрываемой ненавистью. — Романтическая прогулка в горы под звуки рвущихся ядер. Чудесно. Может, сразу поженимся для полного комплекта неприятностей?

Ярославна почувствовала, как краска снова заливает щеки. Она открыла рот, чтобы выдать какую-нибудь особенно ядовитую гадость, но встретилась взглядом со Святомиром.

Князь смотрел на нее не как на инструмент. В его серебряных глазах читалось понимание. Он тоже чувствовал это странное натяжение нити между ними. Для него, привыкшего нести бремя одиночества целой вселенной, появление кого-то, кто видит его истинную суть и не падает в обморок от

ужаса, было подобно глотку воды в пустыне.

— Собирайся, Ярославна, — мягко сказал он. — Тебе дадут одежду по размеру и оружие. Мы выдвигаемся с первой звездой. Пойдут самые быстрые. Двадцать человек. Лучшие из лучших. И ты.

— А я? — мрачно спросил Матвей, упирая руки в бока. — Кто будет командовать мясорубкой внизу, пока вы будете наслаждаться видами альпийских лугов?

— Ты останешься здесь, — жестко ответил Святомир. — Твоя задача, Матвей — сделать так, чтобы когда мы вернемся (если вернемся), нам было куда возвращаться. Город не должен пасть. Умри, но держи ворота. Назначаю тебя Верховным Диктатором Вышеграда на время моего отсутствия. Имеешь право вешать мародеров без суда. Разрешаю пить мое вино из погребов.

Лицо генерала медленно изменилось. Жесткие складки у рта смягчились. Он коротко кивнул, приложив кулак к груди:

— Понял, государь. Сделаю. Возвращайтесь живыми. Хотя бы один. Желательно — оба.

Совет закончился хаотично. Сотники бросились отдавать

приказы к последнему рубежу обороны. Волхв ушел готовить охранные обереги для похода. В зале остались трое: князь, излучающий тихую, звенящую решимость; генерал, чей сарказм вновь стал бронёй; и ведьма, прижимающая к животу выданный кем-то ломоть хлеба, вкуса которого она совершенно не чувствовала.

— Почему я? — спросила она внезапно, обращаясь к князю, когда тяжелые двери закрылись за ушедшими. Ее голос прозвучал жалко и потерянно в огромной зале.

Святомир подошел к ней вплотную. Он был выше на полголовы. Тепло его тела ощущалось даже через расстояние.

— Потому что судьба редко спрашивает разрешения, прежде чем вручить билет в один конец, — ответил он. Его рука поднялась, словно он хотел коснуться ее щеки, стереть грязь. Но он остановил движение на полпути, опустив ладонь. — И потому что мои боги, покидая нас, кажется, обладали весьма специфическим чувством юмора. Велес выбрал тебя. А я... я просто следую за нитью.

Он развернулся и пошел к выходу, на ходу отдавая распоряжения страже.

Ярославна осталась стоять посреди роскоши, которая теперь казалась картонной декорацией перед лицом вечности.

Она посмотрела на свои руки. Потом на хлеб. Откусила кусок. Хлеб был пресным.

Впереди ждал путь в горы, древние тайны и семь избранных. Но прямо сейчас, в эту минуту, Ярославну Лисию волновало только одно: почему сердце бьется о ребра так сильно, словно пытается вырваться наружу и улететь вслед за человеком, в венах которого течет расплавленное золото богов.

Глава 5.

Ночь перед походом выдалась тяжелой. Вышеград не спал — город гудел растревоженным ульем, в котором медведь уже разворотил половину сот. За стенами протяжно и тоскливо выл рог осаждающих, перемежаясь с глухими ударами таранов: орки Морока методично доламывали те участки укреплений, которые днем чудом удержали латники Матвея.

Ярославна сидела на краю жесткой койки в гостевых покоях княжьего терема. Комната была роскошной по меркам лесной ведьмы: стены обиты синим бархатом, медная лохань для умывания надраена до блеска, а под потолком висит масляная лампа из настоящего горного хрусталя. Но девушке было неуютно. Бархат казался пыльным, от лампы пахло горелым китовым жиром, а тишина за дверью была обманчивой.

На коленях у нее лежала старая берестяная грамота. Это был единственный предмет, который она успела прихватить из своей избушки, когда Матвей пинками выгонял ее оттуда к тайному ходу, ведущему в цитадель. Грамота пожелтела, края ее крошились, а чернила, выведенные соком дуба, почти выцвели. Бабка Аглая написала этот текст за три дня

до смерти, когда лихорадка уже высушила ее тело, но разум оставался ясным, как родниковая вода.

«Внучке моей, Ярочке, коли выживешь и силу примешь. Слушай сюда внимательно, дурья твоя башка, и не смей реветь. Слезы воду мутят, а тебе сейчас чистая голова нужна будет».

Ярославна невольно улыбнулась сквозь подступающий холодок страха. Только бабка могла писать предсмертные наставления так, будто делала внучке замечание за невымытые полы.

«Ты думаешь, мы просто травницы? Знахарки, что мужикам грыжу правят да коров от ящура заговаривают? Дурочка ты рыжая. Твой отец, царствие ему небесное, тоже думал, что сила Велесова — это когда гриб в лесу сам в корзину прыгает. А потом пришла Инквизиция Святого Престола Перуновой Горы. И показала нам "грибы"».

Буквы на бересте чуть заметно светились в полумраке комнаты зеленым фосфорическим светом. Дар реагировал на память крови.

«Мы не люди, Яра. Мы — эхо. Когда мир только лепили из глины, Первый Бог-Творец (которого нынче никто и не пом-

нит) устал и решил отдохнуть. Он разделил себя. Светлый лик отдал Перуну — пусть воюет, порядок наводит. Мудрость звездную — Макоши. А дикую, живую, шерстяную суть Мира, его корни, его звериную радость и первобытный страх — отдал Велесу. Но Велес один управлять этим хаосом не мог. Ему нужна была та, кто понимает язык каждой былинки. Так появилась Первородная Ведьма. Лада-Шептунья. Она не была богиней. Она была первой смертной, которую Велес полюбил настолько, что поделился дыханием».

Ярославна провела пальцем по строке. «Первородная». Слово жгло кожу. Все эти годы она считала себя просто сильной знахаркой, девочкой с необычным цветом глаз. Теперь же выходило, что внутри нее сидит нечто древнее, огромное и совершенно неконтролируемое.

«Наш род идет от них двоих. В каждом поколении рождается девочка с зелеными глазами. Носительница Шепота. Если мы живем тихо, слушаем лес и не лезем к князьям — дар спит. Но если кровь вскипает... Помнишь тетку Мирославу? Которая грозу вызвала, когда ей муж изменил? Грозу-то она вызвала, а вот остановить не смогла. Молнией убило саму Мирославу, мужа, корову, соседский сарай и полкняжества впридачу. Баланс, Яра. Вот главное слово. Ты — противовес. Где есть Князь-Бог (а Святомир именно он, глаза б мои его не видели), там обязана быть Ведьма-Земля. Иначе мир

разорвет от перекоса сил».

Девушка резко выдохнула и свернула грамоту. Руки дрожали. Значит, князь все понял еще тогда, в Малом зале. Его серебряные глаза увидели не просто симпатичную замарашку. Он увидел баланс. Необходимый элемент конструкции мира.

И это было страшнее любой орочьей секиры.

Дверь скрипнула, открываясь без стука. На пороге стоял Святомир.

За прошедшие часы он успел переодеться в дорожную одежду: плотные кожаные штаны, мягкие сапоги без каблучков и короткую куртку из волчьего меха поверх кольчужной рубахи. Никакой золотой парчи, никаких княжеских венцов. Сейчас он выглядел как наемник-следопыт — опасный, собранный, сливающийся с тенями. Только волосы цвета старого серебра выдавали в нем породу, которой нет места среди простых смертных.

Он молча прошел в комнату. Сел в резное кресло напротив кровати. От него пахло кожей, железом и чем-то неуловимо тревожным — озоном перед ударом молнии.

— Не спишь, — констатировал он. Это не был вопрос.

— Читаю бабушкино завещание, — Ярославна похлопала ладонью по бересте. — Оказывается, я не просто девчонка, которая умеет уговаривать кусты не царапать лицо. Я — «противовес».

Святомир долго молчал, глядя на пляшущий огонек в лампе. Его лицо в этом свете казалось высеченным из камня — ни одной мягкой линии.

— Твоя бабушка была мудрой женщиной, — наконец произнес он. — Жаль, что я не знал её лично. Говорят, она заставила главу Инквизиции съесть собственные четки, заговорив их на превращение в сушеные сливы прямо у него во рту.

— Было такое, — губы Ярославны дрогнули в улыбке. — Его потом месяц поносом мучило. Церковь объявила это «испытанием веры».

Князь позволил себе короткий смешок, но тут же посерьезнел. Он наклонился вперед, уперев локти в колени. Расстояние между ними сократилось до одного шага. Ярославна физически ощутила давление его присутствия. Оно давило на грудь, мешало дышать полной грудью.

— То, что она написала про баланс — правда, — голос

князя стал низким, вибрирующим. — Я чувствую тебя, Ярославна. Даже когда ты молчишь в другом конце зала. Между нами натянута струна. И если я сделаю шаг вправо — она звенит. Если ты заплачешь — она звенит. Мы связаны кровью Творения.

Сердце девушки пропустило удар, а затем забилося где-то в горле. Вот оно. То самое притяжение, которое она списывала на стресс и испуг. Это не любовь в человеческом понимании. Это физика высших сфер.

— Тогда почему... — начала она и осеклась. Подняла на него взгляд. Зеленые кошачьи глаза встретились с расплавленным серебром. — Почему ты смотришь на меня так, словно я дорогая фарфоровая ваза, которую страшно разбить, но и пользоваться ею нельзя?

Святомир горько усмехнулся. Уголок его рта дернулся вверх.

— Потому что так и есть, Яра. Фарфор здесь ни при чем. Речь о магии разрушения. Моя кровь... она нестабильна. Наследие демиургов — это проклятие, завернутое в красивую обертку всемогущества. Внутри меня постоянно горит огонь. Чтобы не превратиться в сверхновую звезду и не испепелить континент, мне нужен якорь. Заземление.

Он протянул руку через столик. Его пальцы замерли в дюйме от ее колена, не касаясь ткани.

— Ты — идеальное заземление. Твой род несет в себе абсолютную плотность Земли. Материальную сущность. Когда ты рядом, мой внутренний пожар стихает до теплого уголька. Мне легче дышать. Легче думать. Я становлюсь... человеком.

— Так в чем проблема? — прошептала Ярославна, подаваясь вперед, навстречу его руке. Ей безумно хотелось этого прикосновения. Хотелось почувствовать эту иллюзию нормальности. — Женись на мне. Сделай своей княгиней. Будем сидеть у камина, я буду тебя заземлять, ты будешь носить меня на руках. Идеальная семья.

Святомир отдернул руку так быстро, словно обжегся. Он вскочил и отошел к окну, спиной к ней. Плечи его напряглись.

— Идеальная семья сгорит дотла в первую брачную ночь, — бросил он через плечо, глядя на зарево пожаров над южной стеной. — Ты не понимаешь механики, девочка. Кровь Велеса и кровь Первородной Ведьмы — это инь и ян. Плюс и минус. Если мы соединимся телесно, произойдет аннигиляция или, того хуже, резонанс.

Он обернулся. Лицо его было искажено мукой выбора.

— Представь два магнита одинаковой невероятной силы. Если сблизить их неправильными полюсами — они оттолкнутся с силой взрыва. А если правильными... Они схлопнутся. Энергия высвободится такая, что горы обратятся в равнины. Мой предшественник, князь Боримир Третий, попытался взять в жены последнюю из вашего рода триста лет назад. Записи сохранились. Утром нашли гору пепла вместо дворца и гладкое стеклянное озеро на месте столицы. Ни князя, ни ведьмы. Только ветер.

Тишина, повисшая после этих слов, стала густой и вязкой, как смола. Ярославна смотрела на свои руки, лежащие на коленях. Пальцы побелели от напряжения.

Значит, преграда была не социальной. Не политической. Она была физической константой вселенной. Закон природы гласил: Лисиям и Святомирам нельзя любить друг друга слишком сильно. Нельзя касаться друг друга иначе как перчатками из толстой стали.

— Поэтому ты смотрел на меня как на вещь, — голос Ярославы прозвучал мертво, безэмоционально. — Как на инструмент. Артефакт должен найти преемников. Я — часть механизма. Удобная ручка, которая не дает мечу выскользнуть из руки. Но целовать ручку запрещено инструкцией по технике безопасности.

— Яра... — начал он, делая шаг к ней.

— Нет, — она подняла ладонь, останавливая его. В глазах зашипало, но слез не было. Была только пустота, которая стремительно заполнялась ледяной яростью. — Скажи мне правду, князь. Только честно. Если бы этой связи между нами не было... Если бы я была обычной крестьянской дочерью, умеющей варить суп из крапивы... Ты бы взял меня с собой в горы? К этому своему Копью?

Святомир замер. Вопрос попал точно в цель. Он открыл рот, чтобы соврать, придумать красивый ответ о красоте ее души или смелости духа, но встретился с ней взглядом. Зеленые глаза смотрели требовательно, выжигая любую фальшь.

— Нет, — хрипло признался он. — Обычную девушку я оставил бы в городе. Под защитой стен и генерала Ретивого, которого хлебом не корми — дай кого-нибудь защитить ценной собственной шкуры. Ты идешь со мной не потому, что я хочу держать тебя за руку. А потому, что Копье Предтеч откликается только на дуэт. Оно требует Песни Земли и Голоса Неба одновременно. Без твоего друидского корня я могу искать святилище до следующего Пришествия. Ты — ключ. Замок признает форму твоей крови.

Слова падали камнями на дно глубокого колодца.

Инструмент.

Ручка меча.

Ключ.

Никаких «Яра», никакого тепла в серых глазах. Только голый прагматизм правителя, спасающего государство. Любая другая женщина зарыдала бы. Оскорбленная, униженная тем, что ее божественную уникальность свели к функции отмычки.

Но Ярославна Лисия была дочерью леса. А в лесу сантименты заканчиваются там, где начинается желудок хищника.

Ледяная ярость внутри нее сменилась холодным расчетом. Раз уж ей суждено быть инструментом, она станет самым неудобным, острым и непредсказуемым инструментом в истории этого мира.

Она медленно встала. Поправила воротник чужой рубахи. Посмотрела на князя снизу вверх. Улыбнулась. Улыбка вышла кривой, лишенной всякого веселья, но острой, как осколок обсидиана.

— Хорошо, Святомир, — сказала она ровно. — Играем в Ключи и Замки. Ведите меня, Ваше Высочество. Покажите мне ваше хваленое Копье. Обещаю, я буду самой лучшей отмычкой, какую только создавал ваш любвеобильный дедуш-

ка Велес. Я открою вам любые двери. Но запомните одну вещь.

Она подошла вплотную. Теперь их разделяло лишь тепло, исходящее от двух тел. Она не коснулась его. Протянула руку и демонстративно постучала костяшкой пальца по стальной пластине его панциря над сердцем. Звук получился звонким, металлическим.

— Чем меньше личного вы будете вкладывать в наше сотрудничество, тем безопаснее для ваших равнин и лесов. Вы боитесь, что мы взорвем материк любовью? Не извольте беспокоиться, государь. Я умею ненавидеть гораздо лучше, чем любить. И моя ненависть, в отличие от вашей любви, границ иметь не будет. Проверим, выдержит ли ваша божественная плоть холодный ожог презрения.

Развернувшись на пятках, она направилась к выходу. У самых дверей она столкнулась с огромным детиной в броне — начальником охраны княжых покоев.

— Проследи, чтобы моему спутнику собрали еды в дорогу, — бросила Ярославна стражнику, даже не оглядываясь на князя. — И скажи денщику, чтоб положил побольше чеснока. Генерал Ретивый любит чеснок, говорят, он отпугивает не только нечисть, но и излишне романтических монархов.

Стражник ошалело моргнул, переводя взгляд с разъяренной фурии на застывшего у окна князя. Святомир остался стоять неподвижно. Серебряные глаза потемнели от сдерживаемой бури. По подоконнику пошла тонкая трещина — камень не выдержал всплеска эмоций носителя божественной крови.

Когда дверь закрылась, отрезая ее профиль, Святомир сжал кулаки. Ногти впились в ладони до крови.

Она права. Во всем дьявольски права. Он пытался сохранить дистанцию ради ее же безопасности, хотел уберечь глупую девчонку от участи стать пеплом, а выставил себя бесчувственным тираном.

Но худшим было другое. Она назвала его чувства своим именем. Любовь. Он действительно чувствовал к ней то, чего не испытывал никогда в жизни — желание обладать не властью, которую она может дать, а ею самой. Желание сгрести ее в охапку, закрыть собой от всего мира и наплевать на последствия. Пусть плаваются камни. Пусть сохнут моря. Лишь бы видеть, как эта невозможная, язвительная, перепачканная сажей ведьма морщит свой курносый нос.

— Демииург тебя раздери, Лисия, — процедил он в темноту пустой комнаты. — Что же ты со мной делаешь?

Сбор отряда проходил во внутреннем дворе донжона, куда их вывел тот самый тайный ход. Луна скрылась за тяжелыми свинцовыми тучами, подсвеченными снизу багровым маревом горящего города. Воздух пах гарью и близким дождем.

Их было двадцать. Элита гвардии Святомира. Люди, отобранные лично Матвеем Ретивым перед сном, пока Ярославна читала бересту. Никаких юнцов, никаких героев с горящим взором. Мужики в возрасте, чьи лица пересекали шрамы, а движения были скупыми и экономными. Каждый стоил десятка обычных ратников.

Они проверяли подпруги седел в полном молчании. Только фыркали лошади, чуя запах дыма и чужую смерть.

Ярославна стояла посреди двора, чувствуя себя самозванкой. На ней теперь были добротные мужские штаны из оленьей кожи, которые пришлось подвязать веревкой трижды, мягкая туника и теплый плащ с капюшоном. На поясе висел кинжал — скорее символический атрибут, чем оружие. Настоящим оружием должна была стать она сама.

Рядом перетаптывался с ноги на ногу Радосвет. Старик кутался в меховую мантию, хотя ночь была теплой. В руках он держал деревянный ларец.

— Здесь карта троп, ведомых только ветру, — просипел волхв, обращаясь к князю. — И малый запас сушеной полыни. Горькая трава поможет очистить разум от наваждений Морока в горах. Будьте осторожны, Государь. Ваша кровь сейчас сияет в ночи, как маяк для любого демона. Вы привлекаете тьму сильнее, чем мед мух.

— Полынь лишней не будет, — кивнул Святомир, принимая ларец. — Благодарю, старче. Береги город. Если через две луны мы не вернемся...

— Тогда я взорву алтарь в храме вместе с собой, чтобы запечатать врата хоть ненадолго, — спокойно закончил Радосвет. — План утвержден. Ступайте.

Из тени арки вышел Матвей. Он был полностью облачен в сталь. Черненная броня тускло блестела, шлем пристегнут к поясу, в руках — тяжелый составной лук. Вид у генерала был мрачный, как склеп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.